

Мушкетер Метлицкая

Обычная женщина,
обычный мужчина

Москва

Пеганкие люди
Марии Метлицкой

Мушкетер Метлицкая

Обычная женщина,
обычный мужчина

Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Оформление серии *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 Обычная женщина, обычный мужчина : сборник /
Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-215542-0

Миллионы мужчин и женщин чувствуют себя несчастными, потому что считают, что совершили неверный выбор. Они живут с самыми обычными, заурядными «половинами», а ведь мечтали о прекрасном принце или красавице принцессе.

И им даже не приходит в голову, что до счастья — совсем маленький шаг. Не бывает обычных женщин и обычных мужчин. Мы все в чем-то особенные. Надо просто присмотреться к человеку, с которым живешь. И, вполне возможно, выяснится, что прекрасный принц или красавица принцесса всю жизнь были рядом. Просто понадобилось время, чтобы это понять.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215542-0

© Метлицкая М., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2025

Обычная женщина, обычный мужчина

Он смотрел в окно. Как всегда, ожидая ее. *Его* женщину. Лину. Так было легче пережить эти невыносимые минуты ожидания. Она, разумеется, опаздывала — ну, женщина, что тут скажешь. Хотя... Смешная, маленькая аферистка и интриганка. Так, слегка. Она затягивала. Затягивала минуту встречи. Разумеется, для того, чтобы он...

Нервничал. Опасался. Дергался. Сомневался. Короче — страдал.

Для чего, спрашивается? Для того чтобы еще раз осознать, что она — немислимый, невозможный подарок?

Да он это и так прекрасно осознавал. Просто пощекотать нервы? Разумеется.

Он, Лев, взрослый человек, относился к этому с пониманием и с легкой усмешкой — дурочка! Да разве он... хоть на минуту сомневался, что такое ОНА? Она в его жизни. В его судьбе.

Нет, интриганка, ей-богу! Он смотрел в окно. Такси подъехало к дому ровно в пять. Ровно! А она... Эта его красавица...

Посмотрела на часы, огляделась окрест и — направилась к палатке, стоящей на краю дороги.

Минут пять разглядывала скудную витрину. Потом протянула деньги и взамен получила какой-то предмет. Рассмотрела его не спеша. Развернула. Надкусила и — выбросила в урну.

Потом снова открыла кошелек и протянула в окошко деньги. На сей раз рука продавщицы показалась с бутылкой воды. Она открутила пластиковую крышку, сделала пару глотков и убрала бутылочку в сумку.

«Предусмотрительная моя! — подумал он. — Рачительная какая!» Ну не пропадать же добру, ей-богу.

Снова взгляд на часы, и — медленно пошла к подъезду. Медленно.

Ну, пять минут — да, мои: чего ж не потянуть?

Он отошел от окна. Вот! Наказать. Наказать и проучить. За все эти муки. Нет, негодяйка просто! Ведь эти пятнадцать минут — просто целая жизнь, вот что такое эти драгоценнейшие пятнадцать минут. Сколько раз можно обняться? А сколько поцеловаться? А просто прижать ее к сердцу и послушать ее дыхание и толчки в груди? Вдохнуть запах ее волос и ее духов? А поговорить? Поставить чайник и небрежно, не от-

ворачиваясь от плиты, спросить: «Ну а как вообще? Скучала?»

И обернуться не сразу. Не сразу, потому что сразу она и не ответит.

А она... Теряет время, теряет. Палит, жжет. Не ценит, короче. А оно — такое драгоценное, такое невеликое — ИХ время. Такое неприлично короткое, торопливое. Словно кто-то специально подкручивает стрелки часов.

Чушь какая! Никто, разумеется, не подкручивает. Просто пролетает оно так стремительно, так невозможно и беспощадно быстро, что... Никогда его не хватает.

Как всегда не хватает времени для счастья.

А вот проучить! Не открыть сейчас дверь — типа нет его. Не приехал. Не смог. Даже позвонить не смог. Что-то случилось. Вот и пусть попсихует. Может, тогда поймет и откажется от своих дурацких бабских штук.

Раздался звонок — их звонок. Три коротких, два длинных. Конспираторы, блин. Никто об этой квартире не знал — даже Димон, лучший друг. Так, на всякий случай.

Он стоял под дверью, затаив дыхание. Звонок нетерпеливо и настойчиво повторился. Он посмотрел в глазок — так, мобильный. Сейчас она наберет его, и его телефон зазвонит. И все — спалится за милую душу. Совсем глупо. Или? Да я заснул! Вырубился просто. Устал, знаешь ли. Работа, жена, ребенок. Уж прости, любовница. Прикинуться шлангом. Ты — любовница. Все. Совсем несложно.

Сложно — когда любимая. При всем перечисленном выше.

Запиликал его мобильник. Тихо — правильно, он в кармане куртки, куртка в комнате. Дверь в комнату закрыта. С лестничной площадки его не услышать. Славно.

Ну, и что дальше? Тишина. Думает. Вот пусть и подумает, как расточать время. Шоколадка, водица, неспешная походка. Отлично.

Он глянул в глазок. Она растерянно смотрела на телефон. На лице — недоумение и тревога. Тревога — точно. Точно?

Он распахнул дверь и встретился с ней глазами. Она упала ему на грудь и крепко обняла его за шею.

И тут он услышал — ее дыхание. Толчки в груди. Вдохнул запах ее волос и ее духов.

И — кончился мир. Кончилась жизнь, где есть работа, жена и ребенок. В *этой* — настоящей — жизни была только она. Ну и еще, разумеется, он.

И больше никого на свете. И ничего. Потому что им, собственно, все остальное было не нужно.

* * *

Минут через пять она отпрянула, открыла глаза, закинула голову и тихо сказала:

— Ты меня напугал. Почему? — она нахмурила брови.

Он не ответил. Бережно снял с нее плащ и спросил: — Кофе будешь?

Она тоже не ответила — ясно, обиделась. Он пошел на кухню варить кофе. Она долго стояла в прихожей,

снимала сапоги, ковырялась в сумке, потом отправилась в ванную, включила воду.

Когда зашла на кухню, кофе уже стоял на столе. В этой квартире не было ничего, кроме пачки хорошего кофе, жестяной банки с чаем и пачки каких-то древних, в бозе почивших сухарей.

Кофе она пила без сахара. Смешно! С ее-то цыплячьим весом.

— И? — спросила она.

Лина любила определенность. Странно, а жила в *такой ситуации* уже почти два года.

— В туалете был, — безмятежно ответил Лев.

Она понимающе кивнула. Дальнейшие вопросы отпадали. Бывает.

Он подошел к окну и закурил. «В игры играем, — подумал он. — Кровушку полируем. Как дети, ей-богу. А зачем? Зачем? Самые близкие на свете люди. А ведь хотим подергать за ниточки. Манипулируем друг другом. Прикидываемся и прикальваемся. Идиоты».

Он обернулся и посмотрел на Линин затылок.

Ничего. Ничего не надо, кроме того, чтобы подойти к ней и обнять. И поцеловать ее в этот самый затылок. Все.

Что, собственно, он и сделал. Через пару секунд.

Сумерки. Понятно, что, скорее всего, уже ближе к восьми. Он повернулся и посмотрел ей в глаза.

Темнота. Нет, чернота. Таких глаз он никогда не видел. Чтобы не были различимы зрачки. Такой вот цвет глаз. Называется — черные. Очи черные, в смысле. Не карие — нет, в карих видны зрачки. А именно

черные. Как ночь. Мрак. Таинство. Как вся его «нонешняя» жизнь.

— Пора? — хрипло спросила она.

Он посмотрел на часы и мотнул головой.

— Не-а, еще минут сорок.

Лина потянулась за сигаретой.

— Ну, как вообще? — спросила она.

— Да так. Нормально вроде. Без эксцессов и перемен.

— Хорошо, — кивнула она.

— Да? — удивился Лев. — Ну, наверное.

— Определенно, — уверенно сказала она, — время перемен еще не настало.

— Тебе виднее, — обиженно сказал он.

Она сделала вид, что не заметила.

— А как Василиса?

— В порядке, — он слегка оживился, — танцы эти... Только танцы эти в голове. И все. Неправильно как-то.

— Правильно, — отозвалась Лина, — сосредоточиться надо на чем-то одном. Если расплыться — не хватит сил. Им и так тяжело — такие нагрузки. У нас такого не было.

Лев кивнул.

— Не было, да.

Вспомнился двор, стая мальчишек, драный футбольный мяч, самодельные ворота. Киносеансы в девять утра. В воскресенье. Родители еще спали. А они встречались во дворе — он, Димон, Санька и Ирка, Санькина сестра, и бежали в киношку.

Славное время. Детство. Есть что вспомнить.

А его дочери? Василисе? В школу на машине с мамой. Встречает тоже мама. Бутерброды и термос в машине и... попилили по пробкам — танцы. Священная корова — эти танцы. Только и разговоров, что про конкурсы, костюмы по безбожной цене, интриги внутри — родители, сами танцоры, партнеры, учителя.

Словно на кон поставлена жизнь. Васька замученная, бледная. В постоянном ожидании плохих и коварных вестей. Бред!

А просто выйти во двор и потрепаться с девчонками? Сбегать к метро за мороженым и пирожками? Втихаря смотаться в зоопарк или на выставку? Нет всего этого.

И подружек нет. Есть соперницы. «Эта дура Волкова, эта идиотка Федоренко. Цветкова толстожопая, и туда же».

Не ребенок, а маленькая, уже обиженная и вредная женщина. Колготки, лосины, тени, блеск для губ. Жареного нельзя, печеного тоже: «Ты что, папа? В своем уме? Какие пиццы и пончики?» И презрительно скошенный рот. И еще — взгляд на маму: ну что он понимает? Этот...

А мама все поймет, тяжело вздохнет и понимающе посмотрит на дочку: да что с него возьмешь, милая? Все ж и так понятно! Вахлак.

У них с дочкой своя жизнь — свои шепотки, свои секретки. Свои разговорчики.

Он — сбоку. Нет, он, конечно, необходим — деньги, деньги, статус и статус. Муж, отец, хорошая должность. Семья. Господи! Какая там семья, когда... Когда он говорил с женой о жизни лет пять назад! А спал с

ней... Ну нет, здесь срок, правда, покороче. И все равно. Они и он — вот такая семья. Они вместе, он поодаль. Отмахиваются, вздыхают, терпят. Все мужики, моя милая! Все как один!

Жизнь — это сплошной компромисс! А уж семейная...

Она умная, его жена. Все это знают. А она — лучше всех. И дочку плохому не научит — ни-ни.

Научит, как жить. Как правильно выйти замуж. Как построить карьеру. Как приноровиться. Как находить компромисс.

А как *быть счастливой*? Научит ли? Для этого надо быть счастливой самой.

А глядя ей в глаза... Сомнительно как-то.

Но! Никогда. И ни за что. Он. ЕЙ. Той, кто лежит сейчас рядом. На наволочке в розовый пошлый горошек. Чужой наволочке. Той, что дороже всей жизни, он никогда и ничего ЭТОГО не расскажет. А ведь если не ей, то кому?

И это называется — *самые близкие на свете люди*?

Странная жизнь, господи! Странная.

И как он устал от всех этих компромиссов! Кто бы это знал...

* * *

Лина смотрела на него и думала, что о такой любви она и не мечтала. Хотя влюбчивой была с самого детства. Мама говорила, еще в детском саду она объявила, что «женится с Мишкой Некрасовым». Мишка Некрасов был местным плеябоем. Кудрявый, черноволосый, с огромными голубыми глазами и девичьими

ресницами. Даже воспитательницы умилялись Мишкиной красоте. За ним приходила мама — такая же неопикуемая красотка с томным взглядом и капризно надутыми губами. Она шла по аллее, и все — от воспитательниц и нянечек до девчонок-соплюшек, — раскрыв рты, не могли отвести от нее глаз.

Лина тогда подумала: «Хочу быть *такой!* Такой же тонкой, томной, в белом пальто и высоких блестящих сапогах. Такой же неотразимой».

Мишка ей «изменил» — через полгода. Когда в старшую группу пришла девочка с красивым именем Лиана.

Она переживала — ей-богу, переживала. И плакала по ночам. Когда встревоженная мама поняла, в чем дело, она рассмеялась:

— Дурочка ты моя! Сколько будет у тебя этих Миш! Вагон и тележка. Но вообще про красавцев забудь — не нужны нам никакие красавцы.хлопот с ними не оберешься.

— Почему? — удивилась она.

Мама вздохнула и терпеливо объяснила:

— Тебе нужен красавец? Да, нужен. И другим тоже нужен. Вот и подумай, как будешь его со всеми делить? Да и потом, разве в мужчине главное — красота?

Лина пожала плечами.

— В мужчине главное — ум, — сказала мама. — Ответственность. Чувство долга и чувство юмора. Поняла?

Лина кивнула, хотя поняла не очень. Но — записала. Она уже тогда умела писать — крупными кривоватыми печатными буквами.

А бумажечку эту нашла за день до своей скорой свадьбы — разбирала вещи, готовясь переехать на мужнину жилплощадь, и обнаружила сей манускрипт. Сначала посмеялась, а потом задумалась: а подходит ли ее жених под все эти критерии?

Ум, ответственность. Чувство долга и чувство юмора. Думала долго. Ум и юмор — наверное, да. А все остальное — ну, жизнь покажет. И, наверное, довольно скоро.

Жизнь показала — юмор с годами обмелел, ум... А вот что это значит? Ум — понятие, знаете ли, растяжимое. В работе — да, муж умен, прозорлив и, видимо, талантлив. А вот в обычной жизни... Тут все решала она. Впрочем, судя по опыту и окружению, это была участь всех сильных женщин. Хотя доходило до смешного — однажды вызвали сантехника и плотника. И те, два испитых красномордых и канючащих мужичка, по всем вопросам обращались именно к ней — безупречным чутьем разглядев именно в ней хозяйку. И хозяйку положения — в том числе.

Хотя они стояли на тесной кухоньке рядом — плечом к плечу, она и муж.

Ей стало смешно. А потом... Потом стало не до смеха. Все решала она — в какую школу отдать сына. Какой выбрать холодильник. Какой костюм купить мужу для защиты докторской. Продукты, магазины, гости, родители — все было на ней. Он только подчинялся. Иногда вдруг делался обиженным, мол, ты со мной не посоветовалась! И замолкал на несколько дней.

Она терялась и начинала оправдываться. И даже принималась извиняться. А потом задумалась: я так

привыкла! Я привыкла принимать все решения сама! И отвечать за все. И вот отсюда и этот менторский тон, и безапелляционность, и уверенность в правильности решения. И мнение, мнение есть только одно — естественно, ее!

На его обиды она горячо возражала:

— Да тебе же так удобно. Ты сам добровольно отдал все бразды правления мне. И чего же ты хочешь? Ах, советоваться с тобой по любому вопросу? Ах, прислушиваться к твоему мнению? Ах, принимать решения коллегиально?! Ну что ж, посмотрим!

Тем более повод намечался — на родительском участке решили построить дом. Дом — не дачу, именно дом, чтобы приезжать туда на выходные, каникулы, праздники. Чтобы с удобствами, горячей водой, туалетом и всеми прочими благами.

— Рули, — благородно сказала она и отошла в тень.

Ну, он и «нарулил» — довольно скоро, уже на уровне фундамента. Терпения у Лины хватило ненадолго — просто денег и сил было жалко невыносимо, какие уж тут принципы!

Решила все одним днем: разогнала старую бригаду, наняла новую, та исправила все прежние косяки. И через три месяца дом стоял под крышей.

Муж ушел в глубокое подполье и в большой обиде объявил, что «ездить туда не намерен».

«Ну и черт с тобой», — решила она. И дом, разумеется, достроила.

И вот еще — насчет чувства ответственности и долга...

Никогда. Никогда он ни за что не отвечал. К его больным родителям в основном ездила она: «Ну, у тебя больше свободного времени. С твоим-то графиком, дорогая!»

Сыном занималась она, и только она. Не говоря про ее родителей — ну, это и так понятно. Даже с друзьями и врагами мужа налаживала отношения она. Врагов переводила в стан друзей, дружбу укрепляла верностью и вечной готовностью прийти на помощь — в любую минуту.

А в целом... В целом он был совсем неплох. Хорош собою, фактурен, интеллигентен, подтянут, всегда при хорошем костюме и отличной стрижке.

Словом, есть чем гордиться. К тому же — доктор наук, профессор. Довольно молодой профессор.

В быту он был неприхотлив, денег на семью не жалел. Они много путешествовали, обожали далекие, совсем не туристические маршруты. Сыном гордился, в компаниях острил.

Жизнь сложилась, получается? Да вроде так...

Но господи! Как же она устала! Как устала быть сильной, умной, несгибаемой. Устала принимать решения, брать на себя...

Как она хотела быть слабой, капризной, кокетливой, нерешительной, обидчивой. Как ей хотелось поныть, поканючить, потребовать жалости. Побывать «маленькой девочкой». Чтобы пожалели, да! Пожалели, и все.

Но — поздно! Имидж менять поздно, вот что! Личина приклеилась — не отодрать. Клеймо. На всю жизнь. Клеймо умной, сильной, могучей.

«Так и проживу, — думала она, — до конца жизни буду тащить эту декорацию на своем горбу».

И некогда было задуматься о любви — совсем некогда. Столько хлопот!

А когда задумалась... Стало так страшно, хоть в петлю! «И это — моя жизнь? Зачем, для чего, для кого? Для всех. А я? Что происходит со мной? И вообще — где оно, счастье? Где любовь? Где? Так и доживу — в суете и заботах? И больше ничего не будет? Ничего?»

И вот тогда она встретила *его*.

Мысли материальны. Правильно говорят. Только вот стало еще страшнее...

Потому что она словно раздвоилась. Одна Лина — на кухне, на телефоне, решающая семейные проблемы, в школе и в секциях сына, она, она, она... Твердая, крепкая, разумная. Но была и другая — кокетливая, капризная, сомневающаяся. Слегка утомленная и недовольная. Нежная. Трепетная. Сама страсть и отчаянье. Нерешительная. Ох, кто бы ее увидел — из знакомых или родни! Вот удивился бы! Просто не признали бы — ни за что. Она и сама себе удивлялась. Вот надо же, не женщина — хамелеон. Актриса бы получилась великая!

Да нет, не хамелеон и не актриса, она была везде — настоящая! И там, и там. Просто — другая. Разная. Диаметрально противоположная, но везде настоящая. Просто в разных обстоятельствах — и все.

А вот какой она нравилась себе больше... Вопрос!

Определенно — в старой школе ей было куда привычнее, куда комфортней.

А в новой... Теплее. Слаще. Волшебней. Приятней — наверняка.

И еще — ей, так привыкшей решать все быстро, предельно быстро, ставить точки над «і» твердо, без долгих раздумий, брать все на себя, почти не сомневаться, такой уверенной и четкой, здесь, в этой ситуации, в этом двусмысленном положении было так страшно...

Страшно даже подумать о том, что когда-нибудь (и наверняка в обозримом будущем, сколько же может все это тянуться и длиться, не бесконечно же!) ей предстоит принять решение. Сделать выбор. Поставить точку.

И — сломать, разрубить, порушить чьи-то жизни. Да не чьи-то, а вполне реальных людей! Жизни дорогих и близких, как ни крути. Родителей, мужа, сына.

И еще парочку жизней. Его жены и его дочери. Его родителей. Его самого, ее любимого. И самого дорогого человека.

Хороша же цена вопроса, а? А ведь есть за что ломать копыя. Есть.

Только не копыя — человеческие жизни. А это куда серьезнее. Хотела любви? Вот и получи! Возьми всю — охапкой, копной.

Удержишь ли? Рук-то хватит? Подумай. Подумай, девочка! На весы. И прикинь. Ты же умная, все так в тебя верят!

Только вот сама что-то растерялась. Потерялась сама. Как в глухом лесу — ау? Ау...

А пока... Усни на его плече... Поспи. Вдыхая его запах и чувствуя кожей его тепло.

Поспи. Побудь слабой и беззащитной. Любимой тоже побудь.

Хотя бы сорок минут. У вас же осталось — сорок минут, да? Спи.

Там — она ломала трагедь, а *здесь* — ломает комедь. Хороша штучка, а? Актриса погорелого театра. А они... Они не парятся — ни тот, ни этот. Гады, вообще-то... А еще говорит: «Я тебя защищу! От всех и всего! Я же Лев — царь зверей».

Парится, еще как парится. Вот только она не знает — он же мужчина! Сталь и гранит. Ну не ныть же, в самом деле. Ох, как я устал. Как все это сложно — просто раздвоение личности. Так недалеко и до шизофрении. Там — я отец и примерный (?) муж. Ну или просто приличный. (Интересно, а что думает по этому поводу моя жена? Нет, правда, жутко интересно.) А скорее всего, она просто не думает на эту тему. Зачем? В деньгах не нуждается, живут они сносно — хотя бы без мерзких и оскорбительных скандалов. Она вся в своей жизни — дом, магазины, дочь, школа, кружки, тряпки, ремонт, путевки на море.

Она — в своей жизни. Потому что *их* совместной жизни давно уже нет.

Он любил разглядывать семейные пары — ну, например, на пляже или в отеле. Или в экскурсионном автобусе. Их ровесники, около сорока. Люди одного социального круга, довольно успешные — поездки, одежда, аксессуары. Ухоженные и воспитанные дети.

Он смотрел на мужиков и пытался поймать в их глазах такую же тоску. Ловил. Почти у всех. Было видно, ну, или очевидно, что вся эта семейная кутерьма,